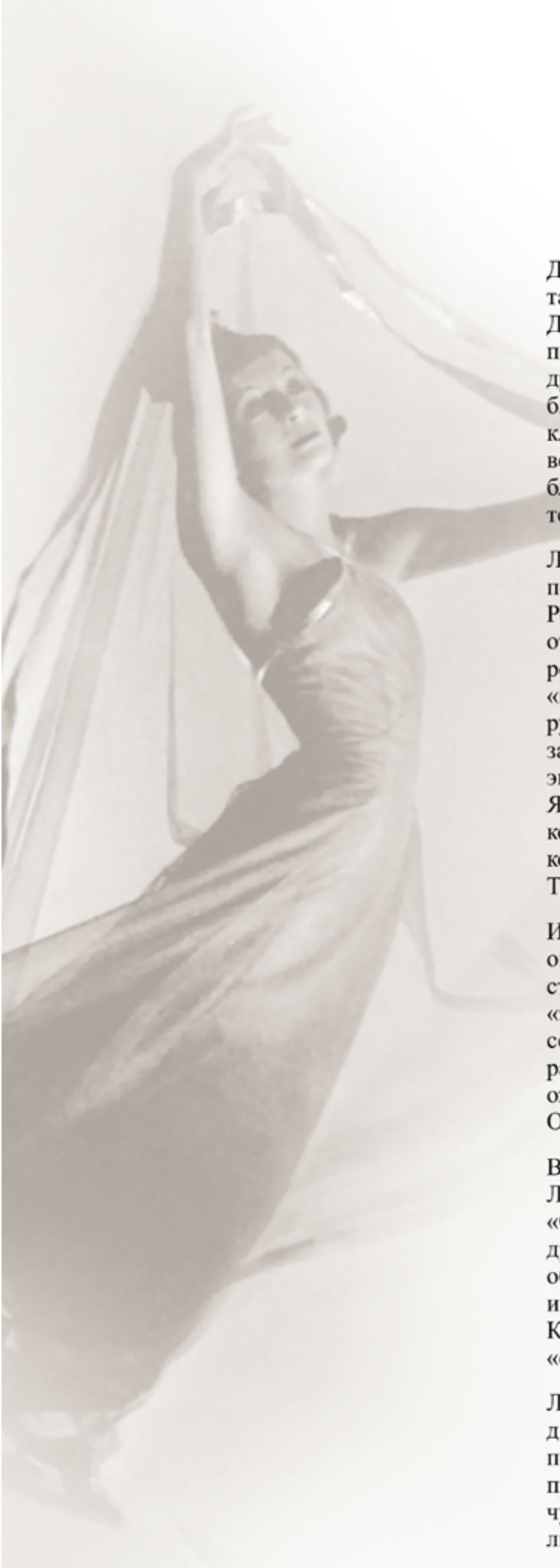

Остров Лариссы

Дом Русского Зарубежья, 2009

*Я хорошо защищена
Своими бреднями и снами.
Крепка воздушная стена.
Победно облачное знамя.*

Муза харбинских поэтов, Сольвейг, Валькирия, Джиоконда... Ларисса Андерсен, русская поэтесса и танцовщица, стала легендой еще в период её жизни в Китае. Две ее любви, два языка, которыми она выражала себя, – поэзия и танец – всегда соперничали в ней. Она жила тем и другим, жила, а не просто осваивала профессию. Может быть, поэтому она не стала ни «поэтом первого ряда» в классификации ученых, ни сценической «примадонной». И все же её жизнь была насыщена событиями, освещена близким знакомством с интереснейшими людьми и согрета теплом ее друзей, поэтов и артистов.

Ларисса Андерсен принадлежит к тому «полуторному поколению» русской эмиграции, которое было вывезено из России в детском возрасте и потому сохранило только отрывочные, порой лишь эмоциональные воспоминания о родине. Ей, как и многим «русским китайцам», досталась «множественная эмиграция»: из России – в Китай, из почти русского города Харбина в космополитический Шанхай, а затем и за пределы Китая. Судьба забрасывала её в самые экзотические места: к друзьям в Корею, на гастроли в Японию, и еще почти на 15 лет после Китая в долгие командировки с мужем – служащим французской судоходной компании – в африканский Джибути, в Индию и Вьетнам, на Таити. А в перерывах – в Марсель и Иссенжо во Франции.

И где бы она ни оказывалась в течение своей долгой жизни, она всегда жила в своем собственном мире, «за воздушными стенами» – и в то же время всегда удивительным образом «здесь и сейчас». Ровно так же, как ей удавалось примирять в себе два устремления – к духовной жизни и к мирским радостям и невзгодам, носить одновременно и крест, и ожерелье, как на портрете, созданном её другом Игорем Осиповым.

В 1988 году Э. Штейн издал в Америке книгу «Остров Лариссы» – память о шанхайском кружке и сборнике «Остров». В ней собраны стихотворения, написанные ее друзьями в специальный альбом: она была началом, объединяющим дальневосточных поэтов в тяжелые военные и послевоенные годы, а затем и во «второй эмиграции». Каждый раз эта живая легенда создавала свой мир, свой «остров» – и готова была разделить его с близкими людьми.

Ларисса Андерсен уже много лет живет во французской деревушке Моншо, по-прежнему пишет стихи и перерабатывает уже написанные. Её синие глаза по-прежнему полны жизни и света, её чуткость, доброта и чувство юмора по-прежнему притягивают на её «остров» людей разных возрастов и национальностей.

Выставка, которая приурочена к 95-летию Лариссы Андерсен, показывает те – географические и символические – «острова», на которых она жила и которые она создавала на протяжении всей своей жизни.

Ларисса Николаевна Андерсен родилась в семье офицера-артиллериста Николая Михайловича Андерсена. Родоначальником семьи Андерсен в России стал выходец из Скандинавии по имени Якуб, перебравшийся на новую родину в 1830-е годы. Он умер вместе с женой во время эпидемии холеры. У них остался тринадцатилетний сын Михаил, которого, как пишет Лариса Николаевна, добрые люди «отдали в кадетский корпус, перевели в православную веру и женили на русской девушке». Михаил Яковлевич дослужился до генеральского чина, избирался городским головой г. Пружаны (ныне в Беларуси) и был возведен в потомственное российское дворянство. Один из его сыновей, Николай Михайлович Андерсен, как и отец, окончил Полтавский кадетский корпус и вместе с женой, Евгенией Иосифовной Кондрацкой, дочерью поляка-лесничего, уехал на службу в Хабаровск. Здесь и родилась будущая поэтесса и танцовщица Ларисса Андерсен. Вскоре после начала Первой мировой войны ее отец был отправлен на фронт, но через несколько месяцев попал в плен. После освобождения в 1918 году Николай Михайлович вернулся в Хабаровск, где к тому времени было уже очень неспокойно.

В 1920 году семейство Андерсен прибыло во Владивосток. Вскоре Николай Михайлович стал преподавать английский язык в Хабаровском графа Муравьева-Амурского кадетском корпусе. Какое-то время им пришлось жить в железнодорожном вагоне на запасных путях, затем семья получила жилье в военном городке на острове Русский.

...я сразу забыла все мои игрушки, любимую куклу Лелю, потому что влюбилась в эти леса, скалы, цветы. Но самым главным, самым любимым было море. Тот, совсем не далекий от нас залив, куда я бегала почти каждый день, чтобы искупаться. ... Там, в море, я была счастлива...

Может быть, желание жить не в городе, а на природе осталось во мне навсегда благодаря тому небольшому отрезку моей жизни, который я провела на Русском острове?...

Хотя память о счастливых мгновениях на острове Русский сохранилась надолго, отрезок этот и вправду был совсем небольшим. В октябре 1922 года в связи с наступлением Красной армии семья покинула Владивосток вместе с эскадрой контр-адмирала Г. К. Старка, взявшей курс на Китай, и вскоре поселилась в Харбине.

Члены семьи Андерсен во Владивостоке. Начало 1920-х гг.

«Харбин – особенный город»

Харбин всегда называли «оазисом русской культуры в Китае» – это был русский город, сочетавший «провинциальный уют и культурные возможности». Однако времена были нелегкие: после гражданской войны население города значительно увеличилось; были блистательные театральные постановки, русские учебные заведения готовили отличных специалистов, но возможностей работать по специальности стало меньше. С большими трудностями Николай Михайлович устроился счетоводом в Управление Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и вскоре удалось снять небольшой дом по улице Садовой, 41. Создавалось некоторое ощущение уюта и стабильности, хотя почти все вновь приехавшие ждали, что вот-вот можно будет вернуться домой, в Россию. А пока надо было устраиваться – и учиться. Ларисса поступила в известную частную гимназию М. А. Оксаковской, где поначалу проходила два класса за год, а вскоре пришла в Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) на той же Садовой улице.

Там работал секретарем бывший хорунжий Сибирского казачьего войска, поэт Алексей Алексеевич Ачаир (Грызлов). В 1925 году в ХСМЛ открылась русская гимназия, при ней стали проводить «Вечера у зеленой лампы». После прочтения им книги «Братья Чураевы» Г. Д. Гребенщикова в 1926 году было создано объединение «Молодая Чураевка», а затем и просто «Чураевка». Оно отличалось от других тем, что сюда могли прийти послушать чтение и поговорить не только ученики гимназии, но и люди со стороны. А. Ачаир собирал молодежь, чтобы помочь ей определиться в жизни, найти поддержку. По воспоминаниям, Ачаир, «создавая свою «Чураевку», делал её символическим островком русской культуры в Китае» (М. Волин), прививал осознание того, что «мы – кусок России и призваны сохранить то, что осталось от её культуры» (В. Слободчиков). Так он претворял своего рода программу, изложенную в его знаменитых и часто цитируемых строках: «Не сломала судьба нас, не выгнула, не склонила до самой земли. А за то, что нас родина выгнала, мы по миру её разнесли».

Литературная «Чураевка» стала одним из центров культурной жизни Харбина. Проводились не только закрытые «поэтические пятницы», но и открытые вторичные вечера, в которых участвовали признанные мастера слова, музыканты, художники, философы. Популярностью пользовались мелодекламации, особенно в исполнении Ачаира. Здесь выступал именитый русский художник Н. К. Рерих. Он одним из первых предсказал Лариссе Андерсен будущее как незаурядной творческой личности.

Члены студии «Молодая Чураевка» в актовом зале гимназии ХСМЛ. Харбин, конец 1920-х гг.

Стихи Лариссы напечатали сначала в выпуске «Х.С.М.Л. журнала», посвященном «Молодой Чураевке» (1928), потом в популярном на Дальнем Востоке журнале «Рубеж», открывшем свои страницы чураевцам. С 1932 года начала выходить газета «Молодая Чураевка» – двухстраничное приложение к Харбинской ежедневной газете, которое через полгода стало самостоятельным изданием из восьми страниц. Вышло четыре чураевских сборника: «Лестница в облака», «Семеро», «Багульник», «Излучины». В сборнике «Семеро» (1931) увидели свет три стихотворения Лариссы Андерсен: «Яблони цветут», «Колыбельная песенка», «Память о весне».

Со временем пятничный кружок превратился в настоящую литературную студию. Здесь шла литературная работа – чтение и критический разбор новых произведений ее членов. Помимо Лариссы Андерсен, активными участниками «Молодой Чураевки» были Николай Кичий, Михаил Волин, Лидия Хаиндрова, Николай Щеголев и др. Позже к кружку присоединились талантливые начинающие поэты Валерий Перелешин, Георгий Гранин, Сергей Сергин, Виктория Янковская, Николай Петерц, Владимир Слободчиков и др. Заглядывало сюда и старшее поколение: Арсений Несмелов, Всеволод Иванов, Виктор Петров. Постепенно Ачаир отошел от руководства студией, уступив место молодым. Обычное обсуждение стихотворений было дополнено учением: чтением теоретических трудов по поэтике, литературных манифестов, разбором произведений признанных мастеров поэзии. «Чураевка» начала 1930-х стала заметным явлением не только в Китае. В 1934 году «Чураевку» заметили и в Париже, о ней с похвалой отозвался Георгий Адамович. Молодые поэты переписывались со своими коллегами во Франции. Их все чаще приглашали печататься в русских изданиях в Китае и за его пределами.

Это был незабываемый мирок, счастливое убежище от тревог о будущем. Мы становились поэтами, художниками. Нас начали печатать. Нельзя сказать, чтобы стихи нашего кружка отражали окружающее: ни особенности нашего города, ни эмигрантской ностальгии в них почти не было. У нас не могло быть много воспоминаний. Мы жили «теперь» и писали о своих переживаниях и чувствах, которые, как и мы сами, росли и требовали выхода.

А за границами этого мирка жизнь была по-прежнему нелегкой. Надежды на быстрое возвращение угасали, и надо было все же думать о будущем, о работе и заработке. К середине 1930-х большая часть чураевцев перебралась в Шанхай, и в 1933 г. при деятельном участии Ольги Скопиченко и Виктора Петрова там образовалась «шанхайская Чураевка».

«Корея – сокровищница радости»

В «Чураевке» Ларисса познакомилась с Викторией Янковской, чья семья переехала из Владивостока в Корею. Большая семья Янковских устроила настоящее поместье, в котором многочисленные родственники и гости чувствовали себя очень уютно. Поместье росло и благоустраивалось, в нем была построена даже церковь. Те, кто приезжал сюда однажды, возвращались еще и еще. «Жить среди красоты природы в обществе культурных людей – что может быть лучше!» – пишет в своих воспоминаниях Л. Андерсен.

Здесь был мир, похожий на тот, что остался в детстве, в России: густые травы, скалы и море. Здесь были новообретенные друзья: рассказчики и спорщики. И огромная библиотека, чудом вывезенная из Владивостока. И даже сцена, на которой можно было увидеть и настоящих артистов из Харбина и Шанхая, и любительские постановки, и можно было танцевать самой. Здесь можно было впервые в жизни прокатиться верхом, поучиться управлять автомобилем или вязать теплые кофты для охотников. Можно было переезжать из горной дачи «Новина» на морскую дачу «Лукоморье» или просто заночевать на подвесных «полатях» на берегу реки. Можно было гулять по сумрачному лесу, валяться на песчаном пляже, перебираться через бурный поток, карабкаться по скалам.

Прозрачные ручьи, звенящие в горах, – это радость. Запах хвои и прикосновение ветра, слетающего с вершины, – это радость. Неизбывная, неисчерпаемая радость земли, которая, несмотря ни на что, будет главной насущной радостью для тех, кто когда-то вдохнул ее, принял всем своим существом, всем своим сердцем, глазами, босыми ногами и кожей. Природа принимает в свой обширный храм неограниченное число исповедующих ее радостную и простую религию.

В сказочной корейской стране Янковских Ларисса Андерсен провела все лето 1933 года, а затем возвращалась сюда еще дважды – после гастролей в Японии в 1938 году и на отдых в 1941-м. Дружба с Викторией, оказавшейся после 1945 года в Америке, и Валерием, отправленным в ГУЛАГ и затем поселившимся в России, оказалась долгой и крепкой.

Ларисса Андерсен. Корея, 1933.

Виктория Янковская. Корея, 1934.

Ларисса Андерсен и Валерий Янковский, брат Виктории. Корея, 1938.

«Танцы в моей жизни были самой жизнью»

Осенью 1933 года поэтесса переехала на жительство в Шанхай и поселилась в пансионе Ангелины Михайловны Кичигиной, родственницы Янковских. Л. Андерсен устроилась на работу секретарем в журнал «Прожектор» и вела на его страницах раздел поэзии и «Женскую страничку». Заработная плата в журнале была мизерной, а затем журнал и вовсе закрылся. Пришлось осваивать карьеру танцовщицы (в Харбине она тайком от родителей брала уроки у бывшей балерины Императорских театров Л. К. Дроздовой). Заработок пришелся как нельзя кстати, поскольку молодой муж Лариссы не мог найти работу. Через некоторое время она попала в знаменитую труппу Н. М. Сокольского, занималась в балетной студии его жены Е. П. Барановой. В 1936 году она впервые поехала с труппой в Японию, а оттуда уже не вернулась в Шанхай: в Харбине ее ждала тяжело больная мама. Единственной возможностью заработать по-прежнему оставались танцы. Ларисса готовила сольные номера для выступлений в ночных клубах и кабаре, в большом дансинг-холле «Парамаунт», отеле «Модерн». В театре при отеле, где ставились оперы и оперетты, существовала балетная труппа, в которую вошла Ларисса.

Весной 1938 года ее приглашают в труппу «Харбин-шоу», которая уезжала на долгие гастроли в Японию. Поездка по семи городам привела в восторг всех участниц, а Ларисса написала об этом несколько статей, вспоминая прекрасную природу и людей Японии, русский бал в Йокогаме и Пасху, встреченную в православной церкви в Осаке.

Мы танцевали семь городов – Токио, Йокогаму, Осаку, Киото, Кобе, Нагойю и Хиросиму. Но больше всех нам понравился Киото. Окруженный горами, изрезанный каналами, с нарядными улицами, полными очаровательных безделушек и фонариков – Киото больше всех других отвечает представлению о сказочной Японии. В парках под огромными соснами – старинные храмы. Среди моистых камней звенят священные источники. Запах курений смешивается с запахом хвои.

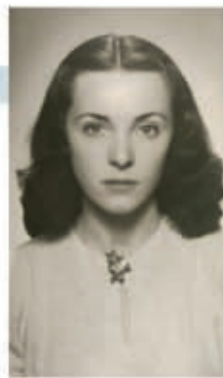

Фото Л. Андерсен.

В 1940 году Ларисса Андерсен решила вновь поехать в Шанхай: ее мама умерла, политическая обстановка в Харбине становилась все тяжелее, большинство ее друзей и коллег по театру покинули город. Александр Вертинский, с которым она познакомилась еще в 1933 году, настоятельно рекомендовал ей не бросать занятия поэзией и обязательно издать сборник стихотворений. В 1940 г. при поддержке А. Вертинского и В. Слободчикова вышла единственная книга стихов Л. Андерсен «По земным лугам» (название «Печальное вино», предложенное Вертинским, показалось ей излишне романтичным).

Ларисса разрывалась между поэзией и танцами, – писала Ю. В. Крузенштерн-Петерец. – Танцы победили... выручили грация и прирожденный талант. В течение 15 с лишним лет она была звездой дальневосточной эстрады, танцевала в оперетте, иногда в больших балетных постановках. ... На сцене она была великолепна. Каждый номер у нее был отделан до малейшего жеста, до последней детали в костюме, тонко, умно, со вкусом и с чувством меры.

Поэзия оставалась занятием любимым, но второстепенным – на первом месте вынужденно оказались сценические выступления: в театре «Лайсеум», в элитных клубах, включая Английский и Французский. К тому же тяжелое военное время и проблемы со здоровьем часто вынуждали Лариссу зарабатывать то показами моды, то уроками танцев и русского языка.

ЗЕРКАЛА

Я прохожу по длинной галерее.
 Вдоль стен стоят большие зеркала.
 Я не смотрю... Иду... Иду скорее...
 Но нет конца зиянию стекла.
 Я, всюду я. Назойливая свита!
 Рабы. Рефлексы. Тени бытия.
 Беспрекословной преданностью слиты
 С моей судьбою. Так же, как и я.
 Стою – стоят. И ждут. И смотрят тупо,
 Трусливо безответственность храня, –
 Непревзойденно сыгранная труппа
 Актеров, представляющих меня.
 Вот я шагну – они шагнут навстречу.
 Махну рукой – взметнется стая рук.
 Я крикну – и без противоречий.
 Беззвучно рты раскроются вокруг.
 И я кричу. Но звука нет. И тела –
 Ни рук, ни ног – как будто тоже нет...
 Лишь отраженья смотрят омертвело
 И странно улыбаются в ответ.
 Я понимаю, веря и не веря, –
 Они живут отдельно от меня.
 Кто эта вот, – когтистой лапой зверя
 Манит, умильно голову склоня?
 На лапе золотая цепь браслета.
 Окрашен кровью виноватый рот,
 Кошачья мордочка... А эта, эта?
 А этот отвратительный урод?
 Чего-то просит, жалуется, злится,
 Скользит, робеет, подползает вновь...
 А чьи вот эти радостные лица,
 Лучистые, как счастье, как любовь?
 Одна, как яблоня, в покрове белом...
 Да, яблоня... Так кто-то звал меня...
 Другая изогнулась нежным телом,
 Просвеченным сиянием огня...
 Но кто же я? Вон та, иль та, иль эта,
 Сомкнувшие вокруг меня кольцо?

Из глубины зеркальной, как с портрета,
 В лицо мне смотрит мертвое лицо.

Поэтический «Остров»

Шанхай – английский город, здесь вместо Лариссы Андерсен появляется Larissa Anders. Так она значится в афишах, театральных программках, газетных статьях. И все же ни она, ни ее друзья не хотели терять русский язык, не хотели и расставаться с поэзией, чем бы в жизни не приходилось им заниматься.

Литературных объединений в Шанхае было мало: «Чураевка» существовала только номинально, присоединяясь к «Средам» Александры Паркау, «Понедельники» Щербакова закончились с его отъездом. Бывшие харбинцы стали вновь собираться по пятницам для чтения и обсуждения стихов. В течение двух лет В. Перелешин, Н. Петерек, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев, В. Померанцев, Ю. Крузенштерн-Петерек, М. Коростовец, В. Ивлева и Л. Андерсен собирались в бывшем гараже дома, где жили Лундстремы, – тихий островок в Шанхае, окруженном войной. Сначала вдохновение «вызывали искусственно»: доставали из стакана бумажки, на которых заранее каждый мог написать свою тему. Затем стихи стали приходить сами.

В 1946 году вышел в свет коллективный сборник стихов «Остров». В него вошли лучшие стихотворения участников кружка, собранные по темам: дым, карусель, кольцо, камеш, светильник, море, химера, пустыня, ангел, феникс, сквозь цветное стекло, кошка, Достоевский, Россия, дом, зеркало, колокол, мы плетем кружева, поэт, Джиоконда.

В небольшой заметке о том, как она пишет стихи, Ларисса Андерсен вспоминает, как это случилось впервые, и замечает, что с тех пор ничего не изменилось:

Привычка увильнуть от скучных обязанностей, смотреть невидящими глазами и слышать неслышащими ушами осталась на долгие годы. Чем чаще я таким образом отрывалась от реальности, тем реальнее становился возникающий из ниоткуда мир.

Вдохновение, появившееся после «Острова», продержалось недолго: слишком много было даже не скучных обязанностей, а мелких и бессмысленных забот, не оставляющих сил для того, чтобы зафиксировать на бумаге этот новый мир. Возникающие фрагменты оставались фрагментами и набросками, не превращаясь в настоящие стихотворения.

Выживать в Шанхае военного и послевоенного периода было нелегко. Все меньше времени и сил оставалось на стихи. И стихи стали другими.

Сверху вниз:
испанский танец
("Лебединое озеро"); в роли
Заремы ("Бахчисарайский
фонтан"); в роли Пиковой
дамы ("Карты").

Выступление во Французском клубе (внизу).

На показе моделей
Л. Винокуровой
(сверху)
и А. Грамолиной
(справа). 1940-е гг.

Я замолчала потому,
Что о себе твердить устала.
Кому же я нужна, кому?
Вот почему я замолчала.
Живи. Люби. А что любить?
Успех? Дома? Толпу Шанхая?
И яростно писать на «бис»
Стихи о яблонях и мае?
Родные яблони мои,
Я вовсе вас не разлюбила,
Но накапливает и томит
Иная боль, иная сила.
Я оставляю дневникам
Шестнадцать лет, мечты о принце:
Когда мечтать о принцах нам —
Здесь, во взбесившемся зверинце?
В театрах, клубах, кабаках
Для всевозможных иностранцев
Пляшу. Не то чтоб гопака,
Так — «экзотические танцы».
Кого любить? За что любить?
За эти глупые улыбки?
За приговор: вы вправе жить,
Пока вы веселы и гибки?
И я живу. Который год.
Сбегу. Вернусь. И все сначала...
Кому нужны стихи? И вот,
Вот почему я замолчала.
И в этой пестрой пустоте,
Где все — карман, где все — утроба,
В заостенелой суете,
Где все спешат и смотрят в оба,
Где что урвать, кого б столкнуть,
Но только не остановиться...
Мерещится мне новый путь,
Иные чуждаются мне лица.
С сердцебиеньем первых грез,
С тоской последнего бессилья
Все чаще задаю вопрос,
Все чаще думаю: Россия.

После установления коммунистической власти и образования КНР Ларисса Андерсен продолжала танцевать на сцене. От суеты и бессмысленности города Ларисса прячется: создает себе тихий островок – домик в пригороде Шанхая, на Ханчжао-роуд, в котором живет с кошками. Наслаждается обществом отца, которого удалось найти через Красный Крест и выписать из Харбина в Шанхай, и подруги-китаянки Бетти Ло, которую когда-то начинала учить танцам. Время от времени она выбирается в город на репетиции или выступления, занимается йогой, посещает кружок Борегара (К. Болгарского), всерьез занимается фотографией. Это увлечение действительно всерьез и надолго: в архиве Л. Н. Андерсен хранится немало фотоснимков, сделанных ею во всех странах, куда забрасывала ее судьба.

Дом на Ханчжао-роуд. Фото Л. Андерсен.

Следующие годы были заняты попытками покинуть Шанхай. С окончанием войны многие из знакомых Лариссы вынужденно или добровольно вернулись в Россию, другие отправились в Австралию или Америку. Неимоверными усилиями ей удалось переправить отца в Канаду через ИРО. Полученная Лариссой канадская виза закончилась, потом закончилась бразильская, а китайские власти по-прежнему отказывали ей в выезде. Оставался еще один путь – репатриация, но возвращаться в Россию было страшно: слишком многие из уехавших попадали в лагеря и пропадали; слишком много намеков было на регулярных беседах по вызову китайских властей. И все же мысли об этом возвращались снова и снова.

В конце концов, вероятно, так и случилось бы, но помог случай: во время выступления во Французском клубе она покорила сердце француза Мориса Шеза. После нескольких встреч и долгих бесед они обнаружили много общих интересов и в 1956 году решили пожениться. Брак заключался трижды: в китайской городской управе, в советском и французском посольствах.

Ларисса Андерсен-Шез и Морис Шез. 1956.

«Колониальная дама»

Морис Шез был сотрудником преуспевающей судоходной компании, и служба его была связана с трехгодичными командировками в страны Азии. После шестимесячного пребывания во Франции и знакомства с родными мужа в Марселе и Иссенжо Ларисса вновь отправилась в странствие. Первая поездка оказалась связана с Индией, о которой она так много слышала и в которую когда-то давно, еще в харбинские времена, вынужденно не поехала на гастроли.

Поэтесса прожила три года в Мадрасе (1957–1960), на родине учителя своей шанхайской преподавательницы йоги Индиры Дэви. Из Мадраса она часто уезжала в горы, посещала Теософское общество в Адьяре и общалась с последователями Кришнамурти, виделась со Святославом Рерихом. Вновь серьезно занялась йогой. Съездила в Калькутту к своей приятельнице Марианне Янковской.

Однако большую часть времени занимали «обязанности колониальной дамы»: приемы, вечера, обустройство дома, светские визиты. Для стихов времени не оставалось. Лишь на третий год удалось организовать школу танцев. Этот положительный опыт придал уверенности, и в следующих командировках мужа Ларисса могла помимо сугубо светских занятий отдавать время тому, что было интересно ей самой: давать уроки танцев и йоги.

Вскоре после прибытия в Индию Лариссе и ее мужу удалось выписать отца, и они почти три года прожили вместе. В 1960 году М. Шез получил новое назначение – Африка, Джибути. Однако из положенных трех лет Ларисса прожила там чуть более года: тяжело заболел отец, и она оставалась с ним в Марселе до его смерти. По возвращении из Африки состоялась первая поездка в Советский Союз – в Киев, к найденной через красный Крест сестре отца Нине Михайловне.

А через шесть месяцев новое назначение – Индокитай, Сайгон, где Шезы провели три года (1964–1966), застав войну, ограничившую их передвижения по стране. Даже светская жизнь стала не такой бурной. Оставалось время для занятий живописью и уроков йоги.

Н. М. Андерсен, Ларисса Андерсен-Шез, Морис Шез. Мадрас, 1958.
Ларисса Андерсен-Шез возле своего дома в Мадрасе.

«Таити – мечта о рае»

Последняя долгая командировка пришлось на Таити (1967–70). Этот остров во Французской Полинезии стал первым шагом на пути возвращения Лариссы Андерсен к поэзии. Главным импульсом к этому стала завораживающе прекрасная природа, к которой поэтесса всегда была чувствительна. После давнего, почти детского просмотра фильма о Таити остров всегда представлялся ей райским местом, где возможно единение человека и природы, где можно по-настоящему творить.

Немаловажно было и то, что общение выходило за рамки служебных контактов. Об одном из предполагающихся «выходов в свет» Ларисса писала в письме:

Это уже не «светская обязанность», – люди очень живые, интересные и уже друзья. Мы встречаемся каждую пятницу (как в «Острове») и всегда бешено спорим на «неотложные» темы вроде «эволюции мира» и перестраиваем этот мир безжалостно. Каждый на свой лад, и потому спорим.

Во время одного из турне на Таити попал Евгений Евтушенко. Встреча эта поразила обоих: Евтушенко – тем, что он увидел живую легенду русского поэтического Китая, Лариссу – тем, что человек из Советского Союза может знать ее имя и ее стихи. Евтушенко по возвращении в очерке «Островитянка» описал свое первое впечатление от ее лица, живущего «в двух временах», и осознания того, что встретился с этой двойственностью, с грезой. Включив два ее стихотворения в антологию русской поэзии XX века, он дополнил их своим:

*Мир, где не будет нас, безадресен.
Не принято там гомонить.
Удастся мне с Лариссой Андерсен
там все-таки договорить?*

После встречи с ним, словно соединившей её с прошлым, пробудившей её поэтическую сущность, заслоненную обликом «жены чиновника», Ларисса Андерсен написала несколько характерных строк:

*Чей же зов в ночную тишь проник?
Чей же взор меня во тьме настиг?
Я лежала, словно в доме из стекла,
Ночь мерцала, и звенела, и текла.*

Общение с русскими, встреченными на Таити – жившими там художником Сергеем Грэсом (Черевковым), генералом Иннокентием Семеновичем Смолиным и другими, или заезжавшими на время поэтом Е. Евтушенко и журналистом Боровским, – подарило удовольствие от возвращения к русской речи, душевным русским разговорам. Оживленные разговоры и споры по-русски и по-английски, в Австралии и на Таити, так напоминавшие харбинские и шанхайские кружки; осознание того, что ее поэзию помнят, что ее личность, ее слова вызывают неподдельный интерес, – все способствовало творческому всплеску. Тому же способствовала и недолгая поездка в Австралию и встреча с друзьями, в том числе по шанхайской группе «Остров». Два года, проведенных на Таити, вернули Лариссу и к поэзии, и к прозе.

Однако пришла пора вновь паковать чемоданы. Несколько месяцев перед традиционным возвращением во Францию Шезы провели в морском путешествии, которое позволило Лариссе навестить своих старых друзей в Японии, в Гонконге, Вьетнаме, Индии. А дальше была уже другая жизнь – постоянная.

«Остров Моншо»

С выходом мужа в отставку начался новый период в жизни Лариссы Андерсен – возвращение в культуру Русского Зарубежья. Почти год перед отставкой Шезы провели в Париже. В 1970 году поэтесса познакомилась с писателем Борисом Зайцевым и критиком Юрием Терапиано, редактором газеты «Русская мысль» Зинаидой Шаховской, редактором журнала «Возрождение» В. Горбовым, часто общалась с Ириной Одоевцевой.

По переезде в небольшой городок горной Оверни – Иссенжо (Yssingeaux), на родину Мориса Шезы, Ларисса вынуждена была снова обжиться на новом месте. Заботы по устройству дома и сада, животные, еще один переезд – в деревушку Моншо, где она сейчас и живет, попытки привести в порядок архив – многое отвлекло от творчества. И все же оживилась и стала более регулярной ее переписка с друзьями – поэтами и артистами, рождались новые стихи и перерабатывались старые, были выступления на радио, время от времени её стихи появлялись в эмигрантской периодике.

Дом в Моншо: сразу после постройки в 1971 г. и в 2009 г.

Когда-то, ещё в 1950-е Ларисса размышляла: сможет ли она полюбить новую родину, приживется ли здесь? Прижилась, хотя русских поблизости не было и не было разговоров «по душам». «Французская глубинка» оказалась похожа на Россию – своей природой. Ларисса посадила березки, нашла друзей, стала преподавать йогу. И сейчас она «своя», а немногие русские и французы, говорящие по-русски, приезжают к ней со всей округи, департамента Верхняя Луара. Точно так же приезжают к ней и гости из России. Не могут приехать только ее друзья-чураевцы, когда-то навещавшие ее здесь, – из Америки, Австралии, Бразилии...

25 февраля 2009 года Ларисса Николаевна Андерсен отметила свое 95-летие.

Теперь имя Лариссы Андерсен известно и в России. Сначала появились упоминания о ней в мемуарах, научных исследованиях, потом публикации ее стихов в различных сборниках, статьи о ней. Наконец, вышло в свет первое обобщающее издание творческого наследия Л. Н. Андерсен «Одна на мосту» (М.: Русский путь, 2006), включающее стихотворения, воспоминания, переписка и статьи разных лет.

В городе Владивостоке, откуда Ларисса Андерсен начала свой долгий путь по зарубежью, в апреле 2008 года было создано Общество друзей Лариссы Андерсен.

Организаторы проекта: Т. В. Боровинская, В. А. Росов, Д. К. Трубчанинов, А. С. Федотов.

Куратор выставки Татьяна Боровинская.

Художник Екатерина Михайлова.

Организаторы выставки выражают благодарность за предоставленные материалы, информацию и помощь в организации выставки Лариссе Николаевне Андерсен (Иссенжо, Франция), Виктору Александровичу Москвину (Москва), Марии Анатольевне Васильевой (Москва), Веронике Иосифовне Короть (Полтава, Украина), Светлане Юрьевне Урбан (Москва), Галине Владимировне Эфендиевой (Благовещенск, Россия), Валерию Юрьевичу Янковскому (Владимир, Россия).

Проект осуществлен при поддержке Российского государственного гуманитарного фонда
(грант 08-01-03201 е/р).